

ИГОРЬ МОЖЕЙКО и МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ*

Известный бирманист, фалерист, коллекционер, историк и писатель Игорь Всеволодович Можейко, более известный широкой публике под псевдонимом Кир Булычев, вряд ли нуждается в представлении. С 1965 по 2003 г. он работал в московском Институте востоковедения АН СССР (РАН). Заголовок статьи может вызвать вопрос, а есть ли вообще проблема соотнесения творчества И.В. Можейко с московской школой, ведь с формальной точки зрения он ни к какой другой школе (скажем, ленинградской или казанской) принадлежать не может. Но в действительности проблема эта отнюдь не надуманна. Ибо само понятие «московской школы востоковедения» довольно расплывчато.

Под школой обычно понимают группу учёных, разделяющих общую методологию и исследующих те же предметы. В этом смысле привычно звучит название «государственная школа», объединявшая таких историков, как К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и С.М. Соловьёв. Столь же ясное значение имеет словосочетание «историческая школа права» К.Ф. Эйхгорна и К.Ф. Савиньи.

Менее точно понятие «школы Анналов» – группы французских историков во главе с Марком Блоком, Люсьеном Февром и Фернаном Броделем. Если Блок и Февр – первое поколение школы – стремились к историческому синтезу и учёту экономического фактора в исторических исследованиях, а Бродель – единственный крупный представитель второго поколения – занимался реконструкцией «целостной, или тотальной» истории с учётом изменений климата, среды обитания и повседневных практик, то третье и особенно четвёртое поколения (Жак Ле Гофф, Эммануэль Ле Руа Ладюри, Франсуа Фюре, Франсуа Бедарида) ушли от монументальных историй к копанию в микросюжетах (микроистории) и в биографиях.

---

* Приношу глубокую благодарность коллегам, прочитавшим рукопись и сделавшим критические замечания, от которых она, хотелось бы верить, выиграла, – Л.Б. Алаеву, А.Е. Кириченко, М.Г. Осиповой. – А.З.

В востоковедении, в частности в изучении Юго-Восточной Азии, порой упоминается «школа академика Александра Андреевича Губера». Губер (1902–1971) был основателем советской науки о Юго-Восточной Азии. Его перу принадлежат новаторские не только у нас, но и за рубежом работы по колониальной истории и экономике Индонезии, Филиппин и Вьетнама [Губер, 1932; Губер, 1937]. Губер был научным руководителем множества учёных, которых объединял общий предмет исследования – Юго-Восточная Азия. Губер возглавлял Институт востоковедения АН СССР в 1954–1956 гг., работал в Институте истории АН СССР в 1957–1968, и в Институте всеобщей истории в 1968–1971 гг., преподавал в Московском университете с 1937 до своей смерти в 1971 г. (о А.А. Губере см.: [Гневушева, 1988; *Академик А.А. Губер...*, 2004]).

Среди учеников Губера особое место занимает Дега Витальевич Деопик (род. 1932), пропагандист количественных методов изучения истории, создатель собственной школы московских вьетнамистов, которые применяют количественные подходы к изучению вьетнамских и китайских текстов.

А.А. Губер был несомненно классическим представителем советской науки (вопреки мнению одного из его учеников Ю.Н. Гаврилова (1932–2010), записавшего академика в разряд диссидентов – по всем признакам, неоправданно: нет сведений о том, что у Александра Андреевича были какие-либо сомнения в правильности курса КПСС и советского правительства). Это выразилось в примате анализа социально-экономического положения отдельных классов индонезийского, филиппинского или вьетнамского обществ, в изучении классовой и национально-освободительной борьбы в странах Юго-Восточной Азии. А.А. Губер придерживался методологии исторического материализма, которая в советские времена была обязательной для всех обществоведов. В этом отношении «школа академика Губера» должна была бы охватывать всех его учеников, в общем и целом разделявших его позиции, а также тех исследователей, которые занимали сходные позиции и признавали его (Губера) авторитет, не будучи его аспирантами и докторантами.

Поскольку А.А. Губер работал в Московском университете (ныне МГУ им. М.В. Ломоносова), большинство его учеников – выпускники этого старейшего в России вуза. А И.В. Можейко закончил совершенно иное учебное заведение – Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мори-

---

са Тереза (в 1957; ныне – МГЛУ). Отношение его к своей alma mater было критичным:

«В институте я жил интересно, но учился посредственно. Теперь я думаю, мне страшно не повезло, что я не стал геологом или палеонтологом, но относительно повезло, раз я выучил по крайней мере один язык. Учили нас плохо, формально и первобытно. За шесть лет надо бы познать пять языков, а мы кое-как выучили один. Зато ездили в колхоз, занимались туризмом, выпускали устный журнал и многотиражку, играли в собственном театре, а после института разбежались кто куда, и лишь меньшинство осталось переводчиками – большей частью те, кто, соблазнившись относительно большой зарплатой, попали в КГБ или армию» [Булычев К. Как стать фантастом. Записки семидесятника. 1999. http://books.rusf.ru/unzip/add-2003/xussr_av/bulyc502.htm?5/12 (дата обращения - 17.01.2018); Булычев, 2003, с. 128–129].

Таким образом, по собственному признанию, И.В. Можейко знал только один язык – английский. Бирманский язык он учил уже потом, когда поехал в Бирму – переводчиком в Посольство СССР, в 1957 г. Взяли его туда по прозаической причине: помощь зарубежным странам мог оказывать только надёжный человек, а критерием надёжности выступал семейный статус. И.В. Можейко к тому времени женился на Кире Сошинской, что и сделало его выездным в глазах советского начальства.

Двухлетнее пребывание И.В. Можейко в Бирме обусловило его фундаментальное отличие от многих других специалистов по тем или иным регионам Азии – личное знакомство с изучаемой страной, знакомство, приобретённое не чтением книг, а пребыванием в и взаимодействием с жителями другой страны и культуры. Хотя гораздо больше он занимался делами Посольства и общением с хозяином книжного магазина мистером Боуном. Именно в этом магазинчике на Аун Сан лян И.В. Можейко познакомился с современной англо-американской фантастикой.

Казалось бы, затем творческий путь И.В. Можейко был традиционным для советского учёного. Он поступил в аспирантуру Института востоковедения / Института народов Азии (как в 1960–1969 гг. назывался Институт востоковедения АН СССР) в 1959 г. и в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию «Паганское государство (XI–XIII вв.)». Научным руководителем его был Владимир

Фёдорович Васильев (1924–2010)¹. Выбор И.В. Можейко Бирмы был, строго говоря, случайным: сказалось двухлетнее пребывание в Бирме. Как он вспоминал: «Я же два года прожил в Бирме, немного говорил и читал по-бирмански» [там же, 1999, http://books.rusf.ru/unzip/add-2003/xussr_av/bulyc502.htm?7/12; 2003, с. 186]. Вторая поездка И.В. Можейко в Бирму состоялась в 1962–1963 гг.; когда он ездил туда корреспондентом Агентства печати и новости (АПН). Именно тогда он и собрал материалы для диссертации [Булычев, 2003, с. 261].

Но вот почти фантастическая вещь: абсолютное большинство советских востоковедов, в том числе специалистов по Юго-Восточной Азии, сначала защищали кандидатские диссертации, а потом у них выходила первая книга – как тогда говорили, «на базе» диссертации. Таким был путь друзей и коллег И.В. Можейко – Владимира Александровича Тюрина (1933–2015), Леонида Александровича Седова (1934–2018), Эдуарда Оскаровича Берзина (1931–1997). Так складывались отношения с печатью и у представителей чуть более позднего и следующих поколений, в частности у Н.П. Малетина (род. 1937) и Д.В. Мосякова (род. 1957). А у И.В. Можейко на момент защиты диссертации уже было четыре (!) книги: «Это – Гана» (записки о командировке в эту страну, 1962), «Иравади–Волга (история русско-бирманских отношений)» (два издания на двух языках, 1963), «Не только память (рассказ об одной поездке в Бирму)» (1965) и биография «Аун Сан» в серии «Жизнь замечательных людей» (1965), не говоря уже о множестве статей в журнале «Вокруг света».

Принципиален здесь не столько сам отход от классического развития научной карьеры: книгу «на базе» диссертации И.В. Можейко издал спустя два года после защиты, т.е. в 1967 г., сколько крайнее разнообразие жанров, в которых работал молодой автор. Гана – страна африканская, к которой бирманист на первый взгляд не имел отношения. Но И.В. Можейко отличался завидной наблюдательностью, работоспособностью и широтой интересов. Результатом стали две книги: одна по, казалось бы, чуждому, но привлекавшему внимание, а другая – по «своему» региону. Одновре-

---

¹ В позднем варианте автобиографии И.В. Можейко однажды назвал своим руководителем А.А. Губера: «Мой научный руководитель, потомственный интеллигент и талант на все времена, академик Александр Губер именовал меня “мой паганый аспирант”. Такая вот академическая шутка. Мне кажется, что он не хотел сказать ничего дурного» [Булычев, 2003, с. 347].

менно были написаны биография лидера национально-освободительного движения в Бирме генерала Аун Сана (1915–1947; напомню, что Губер биографий не писал, а в среде советских историков этот жанр не особенно жаловали из-за его низкой, как тогда казалось, теоретической ценности) и история двусторонних отношений. Иными словами, И.В. Можейко сразу заявил о себе как разносторонний исследователь, для которого нет никаких формальных ограничений.

Данное положение резко выделяет И.В. Можейко из числа других сотрудников Института народов Азии / востоковедения. Даже если бы он не стал великим детским сказочником и фантастом Кириллом Булычевым, его место среди востоковедов сразу определилось. Это был, если так можно сказать, неофициальный энциклопедист Отдела ЮВА и в целом ИВ АН СССР.

Книга «Аун Сан» вышла в серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия». Её тираж по нынешним меркам, да и по меркам 1965 г., для далеко не самой значимой для СССР личности, огромен – 50 тыс. экземпляров. Это была первая подробная биография одного из деятелей антиколониального движения на русском языке. Материалом для книги послужило собрание документов, выполненное Маун Мауном в 1962 [*Aung San of Burma*, 1962]. Но её содержание во многом обусловлено предвзятым отношением советской историографии к колониализму вообще и к Британской империи в частности. Рассказывая о Первой англо-бирманской войне, И.В. Можейко приписывает англичанам её начало:

«Началось, как это часто бывало в истории строительства Британской империи, с пограничных конфликтов, со статей в лондонских газетах, с рассказов о дикости и воинственности бирманцев и угрозе, которую те представляют для интересов Великобритании. А кончилось высадкой экспедиционного корпуса в 1824 году недалеко от Рангуна» [Можейко, 1965, https://royallib.com/read/mogeyko_igor/aun_san.html#0 (дата обращения: 17.01.2018)].

Но это ошибка, поскольку Первую англо-бирманскую войну начали сами бирманцы, захватившие в 1823 г. остров Шахпури, расположенный неподалёку от Читтагонга. Говоря о военачальнике принце Бандуле, И.В. Можейко умалчивает о том, что именно он, Бандула, был главой «партии войны» при дворе короля Баджидо.

Многие диалоги в книге «Аун Сан» невозможно проверить за отсутствием данных; чем-то они сродни речам в «Истории» Геродота².

В 1966 г. И.В. Можейко вместе с Л.А. Седовым и В.А. Тюриным издали бестселлер того времени – научно-популярное собрание очерков «С крестом и мушкетом», рассказывавших об истории колониального проникновения европейцев в Юго-Восточную Азию. До этой книги на русском языке ничего подобного просто не выходило. Во-первых, к колонизаторам в СССР времён господства «Краткого курса истории ВКП(б)»³ отношение было стойко отрицательным. А авторы «С крестом и мушкетом» показали обычных людей – искателей приключений, авантюристов, по-своему храбрых, по-своему верных слову, хотя порой и предателей, трусов, лгунов... В известном смысле И.В. Можейко и его соавторы попали в общее русло литературы шестидесятых, для которой как раз и характерен поворот от сусально-карикатурных черно-белых образов, свойственных позднему сталинизму, к изображению людей как они есть (примерами чего могут служить как хорошо известная повесть «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, так и уже почти полностью забытый роман «Иду на грозу» Даниила Гранина).

Весьма характерно и название очерков. «С крестом и мушкетом» переворачивало, хотя и неявно, традиционную советскую концепцию примата материального фактора (мушкета) над духов-

---

² Об эволюции взглядов И.В. Можейко на Аун Сана см. статью М.Ю. Манакова [Манаков, 2013]. Однако, находясь с юношеских лет под обаянием Кира Булычева и посвятив всю свою жизнь изучению и пропаганде его творчества, М.Ю. Манаков, увы, не всегда достаточно критичен в отношении трудов И.В. Можейко. Так, едва ли можно принимать на веру многочисленные диалоги из книжки ЖЗЛ, да и вряд ли И.В. Можейко переводил для её написания что-либо с бирманского языка (вопреки мнению М.Ю. Манакова [Манаков, 2013, с. 63]). Не очень понятно и то, почему И.В. Можейко стал «культурологом по складу ума». Эту характеристику М.Ю. Манаков заимствовал у позднего В.Ф. Васильева, но она верна не больше, чем утверждение, что И.В. Можейко был по складу ума художником или коллекционером. Главное же – М.Ю. Манаков упускает из виду конъюнктурность многих высказываний и утверждений И.В. Можейко и забывает о его собственном признании: «По натуре своей я не боец. Раз уж я жил в нашей стране, то ходил на работу в институт и был уверен, что помру при недостроенном социализме» [Булычев, 2003, с. 277].

³³ Точное название: *История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс* / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Партиздат, 1938.

ным (крестом). Это вовсе не означает, что И.В. Можейко выступал за отказ от исторического материализма. Он во всех своих работах, в том числе изданных уже после крушения СССР, оставался верным этой методологии. Но его исторический материализм был гораздо более точен, более материалистичен, чем догматическая версия истмата, которую отстаивали ортодоксы в ЦК и в ИНА/ИВ АН (например, Р.А. Ульяновский (1904–1995)). Честолюбие и тщеславие, жажда наживы и власти – качества отдельных лиц – у колонизаторов, иезуитов и завоевателей становились фактически материальными факторами, ибо они (качества) наличествовали у значительных групп людей. При этом опора на мушкет давала кресту то преимущество, которого просто не было в предыдущие столетия.

Другой стороной очерков стало внимание к биографиям. В отличие от биографии Аун Сана, где многое диктовалось местом генерала в национально-освободительном движении в Бирме и конъюнктурными оценками 1964–1965 гг., когда происходила смена Хрущёва Брежневым и в ЮВА нарастали антикоммунистические настроения, в «С крестом и мушкетом» рассказ шёл о гораздо менее идеологически важных, а потому в минимальной степени конъюнктурных персонажах. Скажем, жизнь авантюриста Филипа Де Бриту (?–1613), который ненадолго стал правителем Сириама, показана с необычайной теплотой, даже сочувствием к этому незаурядному человеку, погибшему вследствие клятвы, данной им своему другу, принцу Таунгу, и проигрыша войны против короля Анаупхелуна⁴.

И.В. Можейко и его друзьям удалось избежать крайностей вульгаризаторского классового подхода к роли иезуитов и в целом христианских конфессий в колониализме, что отличало монографию Э.О. Берзина «Католическая церковь в Юго-Восточной Азии» (1966), живописавшего её самыми чёрными красками, и некритичной апологетики иезуитов в недавних статьях доцента ИСАА МГУ О.В. Новаковой (см. список публикаций на сайте Истина: [https://istina.msu.ru/profile/Oksana_Novakova/]).

---

⁴ Ряд высказываний Де Бриту в книге «С крестом и мушкетом» цитируется по книге Джеффри Харви [Harvey, 1925, p. 188]. И.В. Можейко в автобиографии отмечает, что ему известно переиздание этой книги 1947 г., сейчас часто цитируется издание 1967 г., а в продаже есть тираж 2005 г. Особенности монографии Харви, классической работы по истории Бирмы, посвящена статья Алисы Филипс [Phillips, 2005, pp. 1–26].

Следующей книгой И.В. Можейко стала «5000 храмов на берегу Иравади» (1967). Это была его переработанная в научно-популярное издание кандидатская диссертация. И.В. Можейко исследовал историю Паганского царства. В целом новаторскими были сам подход – строгий исторический материализм, и тематика исследования: до И.В. Можейко историей Паганского царства в СССР никто не занимался. Хотя В.Я. Васильева (1900–1959) и В.Ф. Васильев и писали работы об истории Бирмы, оба они не углублялись настолько в глубину веков (см., например: [Васильева, 1947; Васильев, 1962]).

Но в отношении зарубежной историографии новизна книги И.В. Можейко отнюдь не очевидна. Он опирался на труды Джеффри Харви, Дэниела Холла, Тхан Туна, Пе Маун Тина, Гордона Льюса и Жоржа Сёдеса [Harvey, 1925; Harvey, 1947; Hall, 1950 1956 (2nd ed.); *The Glass Palace Chronicle of the Kings of Burma...*, 1923; Pe Maung Tin, Luce, 1928; Than Tun, 1959; Coèdès, 1948]. Впрочем, была одна черта, выгодно отличавшая книгу И.В. Можейко от зарубежных англоязычных и франкоязычных публикаций. Это искреннее восхищение архитектурой Пагана и интеллектуальным уровнем её творцов.

Примечательно, что «5000 храмов» издана именно как научно-популярная книга. В ней вообще нет списка литературы и примечаний, хотя автор последовательно ставит кавычки при цитатах из источников. И.В. Можейко почти не использует клише официальной версии истмата о феодализме на средневековом Востоке. «Церковные феодалы» упомянуты только на с. 95, а в разделе о социальной структуре (с. 110–113) хоть и встречаются «эксплуататорские классы» (вполне логично по отношению к аристократии, бюрократии и ростовщикам, хотя сейчас отнюдь не все согласятся с существованием бюрократов – тех же чиновников – в Паганской империи), но нет ни слова о феодалах и крепостных. Конечно, утверждение «За двести пятьдесят лет бирманцы прошли путь от родо-племенных союзов каруинов до сложного иерархического государства» можно критиковать за, скажем, недоучёт множества этнических групп в тогдашних государствах или за постулирование родоплеменной стадии общественного развития (вместо более популярных сегодня вождеств или ранних политий), но важнее то, что И.В. Можейко не злоупотреблял казённой терминологией истмата. В книге, изданной в год пятидесятилетия Октябрьской революции, ни разу не упоминается В.И. Ленин.

После Паганской империи И.В. Можейко занялся изучением малоизвестных страниц истории человечества. Его перу принадлежит ещё одна научно-популярная монография «Другие 27 чудес» (1969), изданная впоследствии на языках стран социалистической ориентации и в дополненном виде – под названием «7 и 37 чудес» (1980). Именно научно-популярный жанр стал «коньком» И.В. Можейко. Это закрепило за ним репутацию автора не вполне академичного, т.е., как это часто бывает, вроде бы и не очень серьёзного учёного. Тем более что И.В. Можейко и не претендовал на глубину исторического анализа бирманских хроник. Его творчество, особенно его фантастические повести и конкретные работы по фалеристике, показывает, что он довольно быстро охладевал к той теме, которой до того самозабвенно занимался и которой овладевал досконально. Ему было просто скучно в рамках узко академического жанра.

Книга «Другие 27 чудес», повествующая о городах средневековых Сирии и Ливана, об индийских и бирманских храмах, об Ангкор Вате в Камбодже, о мечетях Самарканда и Бухары, о Великой китайской стене, открывала читателю малоизвестные архитектурные памятники Востока. Но выходящая в то же самое время «Всеобщая история архитектуры» в XII т., глубоко академичная и фундаментальная, делала научный вклад книги И.В. Можейко почти незаметным. Хотя, если судить по переизданиям и переводам, «Другие 27 чудес» оставались востребованными на читательском рынке в течение многих лет (сейчас, в эпоху Интернета, трудно бывает понять ажиотаж вокруг любой, даже самой хорошей книги; но в советскую эпоху книги, журналы и газеты были единственными источниками информации, поэтому книга, содержащая подробную информацию по достаточно популярному и вместе с тем сложному вопросу, служила источником долгие годы).

В 1973 г. И.В. Можейко и Антон Никифорович Узянов (1916–19.12.2004, формальный начальник Можейко в то время) опубликовали «Историю Бирмы (краткий очерк)». Этот труд стал одним из первых в серии, издаваемой Институтом востоковедения АН СССР, и готовившимся в Отделе Юго-Восточной Азии (в том же году вышла «История Таиланда» Э.О. Берзина). На русском языке это было первое обобщающее исследование истории Бирмы (ныне – Мьянмы) с древнейших времён до начала 1970-х гг. До сих пор русскоязычный читатель обращается к этой книге, которая столь же научно-популярна, сколь и строго научна. Авторы использовали колос-

---

сальный материал, опираясь в том числе на труды В.Ф. Васильева «Очерки истории Бирмы: 1885–1947» (1962) и М.Г. Козловой «Английское завоевание Бирмы» (1972), а также упомянутых выше Джеффри Харви, Гордона Льюса, Дэвида Холла, Тхан Туна и неупомянутого Маун Хтин Ауна, чья «История Бирмы» вышла в Издательстве Кембриджского университета в 1967 г. Порой текст «Истории Бирмы» повторяет «5000 храмов»: таковы многие детали в рассказе о четырёх надписях на погребальных урнах из Тарекитары, сообщение о властителе Наньчжао Колофене (Го Ло-фэне) или отдельные предложения в истории основателя Паганской державы Аноратхи (Анируды в тексте И.В. Можейко).

В «Истории Бирмы» оценка социального строя Паганского царства изменилась – вследствие требований советского академизма. И.В. Можейко во многом повторил описание, данное ещё в «5000 храмов», но добавил утверждение о том, что «В Пагане сложилась восточная деспотия, в системе которой на протяжении длительного периода складывания феодализма прослеживаются значительные элементы рабовладения при одновременном сохранении сильного влияния родоплеменных отношений» [Можейко, Узянов, 1973, с. 53]. Поскольку И.В. Можейко подробно рассказывал выше о значимости категории зависимых людей – *чван*, или «рабов», суждения о феодализме повисают в воздухе: не ясно, в чём именно заключался бирманский феодализм. Понятие «восточной деспотии» никак не проясняет феодальности Бирмы, ибо не ясно, чем отличаются деспотии на Западе и на Востоке, не ясно, на каком основании можно говорить об абсолютной власти паганских царей (и об этом И.В. Можейко прекрасно знал, отмечая влияние на них каруинов – областей страны, и значительную независимость бирманского монашества от царской власти [там же, с. 49]).

Беспристрастная оценка «Истории Бирмы» Можейко и Узянова может быть такой: это добросовестно сделанная работа, в которой собран большой фактический материал, но многое устарело уже во время написания работы. Проблемы бирманского летописания, беспристрастных оценок действий генерала Не Вина, успехов «бирманского пути к социализму» в то время либо не интересовали авторов, либо были невозможны в силу политической позиции советского государства. После возвращения из Бирмы в СССР Можейко туда больше не ездил, сосредоточившись на литературной деятельности и страсти всей своей жизни – коллекционировании. Что касается А.Н. Узянова, то он занимал пост заведующего секто-

---

ром истории отдела ЮВА и в силу должности его взгляды были скорее подвижными. Он почти не писал книг. По свидетельству Л.Б. Алаева, в ИВ АН «считалось, что “Историю Бирмы” написал только И.В. Можейко, а Узянова он поставил автором из политеса» (email А.О. Захарову от 9.01.2018).

В 1970-е гг. наметился застой не только в хозяйстве СССР, но и в научной среде. Друг Игоря Можейко Леонид Седов ушёл из ИНА ещё в конце 1960-х в связи со своей отчётливой диссидентской позицией⁵. Прекратилось издание хоть сколько-нибудь оригинальных теоретических трудов, создатели которых пытались приспособить марксистское учение к особенностям конкретных обществ (один из самых интересных примеров: судьба коллективной монографии «Проблемы истории капиталистических обществ», вышедшей с подзаголовком «Книга 1» в 1968 г. под редакцией Л.В. Даниловой; «книга 2» так и не вышла). Попытки интегрировать в схему формаций азиатский способ производства пресеклись с выходом в свет начётнической монографии «Восток и всемирная история» В.Н. Никифорова в 1975 г. (впрочем, другие книги и статьи, мусолившие вопрос о месте Востока в формационной теории, были столь же начётническими: в них всюду шла «борьба цитат» из сочинений классиков марксизма-ленинизма, а конкретный материал намеренно подгонялся под заранее принятую концепцию, хоть рабовладельческую, хоть азиатского способа производства, хоть большой феодальной формации).

И.В. Можейко и тот же А.Н. Узянов (под псевдонимом А. Никифоров) издали в том же, 1973 г. книгу «Настоящая радуга (о русских путешественниках в Бирме)». Здесь были рассказы о П.И. Пашино, И.П. Минаеве, побывавших в стране ещё в XIX столетии. Их воспоминания к тому времени уже стали библиографической редкостью и в целом оказались забытыми.

---

⁵ Точная оценка диссидентства в среде востоковедов ещё ждёт своего часа. Во многом это вызвано неопределённостью самого понятия «диссидент». В эту категорию попадают подчас как люди, просто возмущающиеся отдельными проявлениями советской действительности, так и сознательные борцы с режимом. В моём понимании только люди, действовавшие словом или делом против советской власти, могут именоваться диссидентами. Остальные – оппозиционеры, недовольные, брюзжащие, кухонные мудрецы, острословы – к диссидентству имеют более чем косвенное отношение. Л.А. Седов открыто выступил против ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г.

И.В. Можейко и А.Н. Узянов вернули имена русских путешественников читателю.

Во второй половине 1970-х гг. И.В. Можейко занялся двумя совершенно разными темами. Одна из них – история пиратства в Индийском океане. Задолго до современных исследователей Индийского океана и его влияния на историю торговых и культурных связей окружающих его земель И.В. Можейко попытался реконструировать исторический феномен пиратства – пиратства не корсаров, а местных жителей, вынужденных таким образом зарабатывать себе на жизнь. Пираты редко упоминались в обычных трудах по истории. Исключение составляет разве что Френсис Дрейк, чья роль в разгроме испанской «Непобедимой армады» и в подъёме английского флота была признана королевой Елизаветой I. И.В. Можейко вывел на авансцену истории людей, которые были частью повседневности в XV–XX вв. Книга «В Индийском океане» выдержала два издания – в 1977 и 1980 гг., а в 1981 г. вышел её немецкий перевод (на чешском она появилась в 1983, на болгарском – в 1985, на польском – в 1989 г.). В известном смысле это ответ на столь же популярно написанную, но не имеющую отличавшей книги И.В. Можейко фундаментальности монографию австралийского капитана Аллена Вилльерса (Allan Villiers) «Люди, корабли и море» (*Men, Ships, and the Sea*, National Geographic Society, 1973, 436 pp., 423 ill.).

Можно усматривать некую параллель с поставленной Фернаном Бродемом задачей исследовать историю «большой длительности» – почти неподвижную историю континентов, морей и в целом ландшафта, которую сам французский историк воплотил в трёхтомнике «Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II». Но крайне сомнительно, чтобы И.В. Можейко руководствовался трудом Броделя. Скорее он продолжал исследование типа человеческого характера, уже давно привлекавшего его внимание, – авантюриста, каким в «С крестом и мушкетом» был Де Бриту. Понятно и то, что И.В. Можейко в своих очерках «В Индийском океане» не преследовал цель дать исчерпывающую историю пиратства. В этом смысле его труд, конечно, не может конкурировать с такими работами, как диссертация французского историка Пьера-Ива Мангэна «Португальцы на берегах Вьетнама и Чампы: исследование морских путей и торговых отношений по португальским источникам XVI–XVIII вв.» [Manguin, 1972]. Но

И.В. Можейко и не преследовал цели написать диссертацию о пиратах. Его интересовали люди.

Вместе с тем научная карьера требовала получения степени доктора исторических наук. И.В. Можейко выбрал для этого вторую тему – взаимоотношения буддийской сангхи и государства в Бирме (интересно, что в 1975 г. была опубликована монография «Сангха и государство в Бирме» Майкла Мендельсона [Mendelson, 1975]). Под названием «Бирма: религия и политика» этот труд вышел в 1978 г. Но под псевдонимом – И.В. Всеволодов. Причина использования псевдонима, увы, проста и чисто бюрократична. В те годы ученые не могли печататься под своей фамилией слишком часто. Издательство «Наука» формально не могло печатать два года подряд одного и того же автора (всё-таки это не фантастика, а научные труды; к тому же за книгу полагался гонорар), тем более что «Бирма» была сдана в набор ещё 6 сентября 1977 г.

По содержанию «Бирма: религия и политика» является «удобной» или «проходной» для защиты диссертации в эпоху «позднего застоя». В ней прослеживаются роль буддийской сангхи в феодальном обществе средневековой Бирмы (сейчас едва ли найдётся историк, который согласится с определением её общественного строя как «феодального»), роль буддизма и монашеских организаций в национально-освободительном движении и особенности религиозной ситуации в современной Бирме. Сегодня трудно вообще говорить о национально-освободительном движении – предпочтительным стал термин «антиколониальное движение». А в 1970-е гг. дискуссии вокруг национально-освободительного движения и его характера шли непрерывно, примером чего служит бурное обсуждение монографии коллеги И.В. Можейко, ныне академика, Н.А. Симонии (род. 1932) «Страны Востока: пути развития» (1975).

После защиты в 1980 г. докторской диссертации И.В. Можейко сконцентрировался на исследовании Второй мировой войны на Тихом океане. Результатом стало комплексное исследование «Западный ветер – ясная погода (Юго-Восточная Азия во Второй мировой войне)» (1985). Советская историография, в которой подробно разбирались операции Красной Армии в Маньчжурии и в целом разгром милитаристской Японии, практически не знала трудов, в которых основной акцент был сделан на страны ЮВА. И.В. Можейко показал, с какой лёгкостью Япония сокрушила колониальные режимы Англии и Франции в регионе, с каким двойственным отношением столкнулись японские колониальные власти

на завоёванных территориях, какую циничную и вместе с тем гибкую политику они проводили, какие события привели к победе антияпонские силы и что стало причиной гибели Японской империи. В книге собран обширный фактический материал. В известном смысле ею И.В. Можейко подвёл итог своих исследований Юго-Восточной Азии. Последующие его работы были либо переизданиями предыдущих, либо незначительными по объёму статьями. Он сосредоточился на фалеристике и на фантастике.

Единственным заметным исключением служит совершенно фантастическая по замыслу и по охвату событий и процессов монография И.В. Можейко «1185 год: Восток–Запад» (1989). Это срез всемирной истории около 1185 г. – времени неудачного похода князя Игоря Святославовича на половцев, события, послужившего источником для бессмертного памятника древнерусской словесности «Слово о полку Игореве». И.В. Можейко проследил связи верхов западноевропейских, средиземноморских, восточных и русских обществ, торговые потоки и черты быта того времени. Ему удалось, оставаясь в рамках методологии исторического материализма, показать и классовый характер тогдашних феодальных обществ, и отдельных исторических лиц, и глубинные процессы, и мельтешение событий. Строго говоря, ему удалось создать всеобщую, целостную, «тотальную» историю определённого временного отрезка.

Каково же место И.В. Можейко в московской школе востоковедения? Да и есть ли оно? Как говорилось выше, он работал в московском НИИ, а потому формально он принадлежит к ней. Но по содержанию своих работ он стоит наособицу. Во-первых, тематика исследований И.В. Можейко выбивается из любой привычной рубрики. Примат социально-экономического анализа в трудах А.А. Губера и многих других советских ученых был ему (И.В. Можейко) чужд. Отдавая должное экономической сфере общества и её определяющей роли в жизни людей, И.В. Можейко в первую очередь писал о них, о повседневной жизни, о политике, о психологии. Причём он не преувеличивал различия отдельных людей и сообществ (чем грешат антропологи и прочие сторонники абсолютизации межкультурных отличий).

Книги И.В. Можейко охватывают множество культур и эпох. Он равно свободно писал как о средневековье, так и об истории XX в. (новейшей истории), о Китае, Японии, Бирме, Гане, Португалии, Франции, Англии, России... Иными словами, его работы невозможно свести к принятым рубрикам «всеобщая история», «оте-

---

чественная история», «историография, источниковедение и методы исторического исследования» (это вообще непонятно что такое: как можно заниматься историей без методологии и знания источников и литературы?)», «археология», «этнография, этнология и антропология» (бюрократическое и научное словоблудие: все три слова означают одну и ту же дисциплину), «международные отношения», «политические науки», «архитектура»... В его книгах есть все эти формальные дисциплины, разве что археологии повезло несколько меньше других. Нет разве что «Истории Коммунистической партии Советского Союза».

Во-вторых, жанр многих работ И.В. Можейко – научно-популярная литература. Московские востоковеды в большинстве своём чурались и чураются таких вещей. Разве что они издают учебную литературу (сразу вспоминаются В.И. Авдиев и А.А. Вигасин с их «Историями Древнего Востока», а также Л.С. Васильев и Л.Б. Алаев с их «Историями Востока»). До какой-то степени с И.В. Можейко пересекаются А.В. Герасимов и Г.М. Бонгард-Левин, написавшие популярную книгу «Мудрецы и философы Древней Индии» (1978), которую после эмиграции Александра Герасимова Бонгард-Левин принялся издавать только под своим именем и под названием «Древнеиндийская цивилизация» (1980). Но такой широты подхода, как у И.В. Можейко, у них нет. В каком-то смысле поздние научно-популярные работы В.А. Тюрина по истории России навеяны изящным слогом Можейко и его «1185 годом», но В.А. Тюрин не занимался сопоставлением различных обществ; его «Россия. Век восемнадцатый» (со всеми переизданиями) касается только одной страны (см. последнее по времени издание: [Тюрин, 2008]).

В-третьих, И.В. Можейко не занимался изданиями или публикацией переводов восточных текстов, что отличало его от таких московских востоковедов, как М.А. Коростовцев, В.Н. Топоров, Р.В. Вяткин или А.Я. Сыркин. Но трудно найти востоковеда из Москвы, который бы издал подробный каталог польских наград или исследование должностных знаков Российской империи.

В-четвёртых, И.В. Можейко, в отличие от очень многих, если не большинства своих коллег, не занимался преподаванием. Он писал научную фантастику (циклы про Алису Селезнёву, Великий Гуслиар и многое другое), сценарии к фильмам... Иными словами, И.В. Можейко был гораздо менее классическим учёным. Или, может быть, Можейко-учёный – это только одна из граней, и притом,

---

вероятно, не самая важная для него самого, одного и того же человека. Именно поэтому не удаётся отнести его к какой-то школе.

Можейко не был классическим востоковедом. Будучи энциклопедистом по знаниям и энтузиастом по жизни, он (да простят меня его коллеги и друзья), находился в то же время как бы вне востоковедения. И, соответственно, вне любой школы. Выше я говорил, что школа создаётся единством методологии и предмета изучения. А у И.В. Можейко предметом изучения становились бесконечно далёкие от бирманистики и востоковедения в целом сферы.

Вульгарный и/или ортодоксальный исторический материализм его коллег Р.А. Ульяновского, А.С. Кауфмана или Э.О. Берзина, как и фрондёрство сторонников «азиатского способа производства» Л.А. Седова и Ю.И. Семёнова или автора идеи «большой феодальной формации» Ю.М. Кобищанова были чужды И.В. Можейко. Он не боролся с господствующей теорией и не пытался её «творчески доработать» или «переработать». Он – в отличие от многих советских теоретиков – умело применял её без ложного пафоса. В этом смысле И.В. Можейко был скорее историком-практиком, знания которого позволяли ему сравнительно безошибочно подбирать нужные теоретические инструменты для описания событий и процессов прошлого.

Именно в силу энциклопедической широты своих интересов, научно-популярного стиля изложения и отсутствия интереса к теоретическим проблемам И.В. Можейко стоит вне любой научной школы. Его вклад в российскую бирманистику значителен если не глубине научных открытий (тут можно найти немало неточностей), то по обобщению и, главное, изложению на хорошем и понятном русском языке истории Бирмы с древнейших времён до первой половины 1970-х гг. Вклад И.В. Можейко в изучение пиратства и Второй мировой войны, в историю Индийского и Тихого океанов скорее фундаментален, несмотря на современные зарубежные работы (в них подчас много деталей, но за деревьями теряется лес).

Признание И.В. Можейко как учёного всегда затмевалось его ярким литературным талантом. Эта «внецеховость» чётко ощущалась, когда я пришёл в отдел Юго-Восточной Азии (формально – в январе 2003 г., за несколько месяцев до ухода Игоря Всеволодовича). Каждый приход И.В. Можейко в отдел был сюрпризом и становился событием. Он дарил коллегам новые книжки, принёс как-то к чаю сливочную помадку (я это запомнил, потому что и сам люблю это лакомство), а однажды, когда меня решили ему представить и

обсудить с ним мою тогдашнюю тему «Ранние государства Юго-Восточной Азии», назвав её «древние государства», И.В. Можейко быстро повернулся ко мне, внимательно посмотрел в глаза (это заняло какие-то секунды) и сказал: «Давайте сначала договоримся, что такое древность применительно к Юго-Восточной Азии». Разговор ушёл куда-то в сторону, и его подробностей я уже не помню. А вот пронизывающий взгляд его лучистых голубых глаз остался. Как осталось и понимание необходимости чётко определять основные понятия и хронологические рамки исследования.

Игорь Можейко и московская школа востоковедения взаимодействовали, сосуществовали, но не сливались друг с другом. Если его и можно отнести к какой-то школе, то только к его собственной. Ибо аналогов ему попросту нет.

Список литературы

Академик А.А. Губер: историк и личность. К столетию со дня рождения. Воспоминания, речи, статьи. М.: Муравей, 2004.

Берзин Э.О. *Католическая церковь в Юго-Восточной Азии.* М.: Наука, 1966.

Булычев К. *Как стать фантастом. Записки семидесятника.* М.: Дрофа, 1999. 4-е изд. 2003.

Васильев В.Ф. *Очерки истории Бирмы (1885–1947).* М.: Изд-во восточной литературы. 1962. 422 с. Тираж 2300.

Васильева В.Я. *Индокитай.* М.: АН СССР, 1947. 275 с.

Всеволодов И.В. *Бирма: религия и политика (Буддийская сангха и государство).* М.: Наука–ГРВЛ, 1978. 269 с.

Гневушева Е.И. *Академик Александр Андреевич Губер.* М.: Наука–ГРВЛ, 1988.

Губер А.А. *Индонезия. Социально-экономические очерки.* М.–Л.: ОГИЗ, 1932. 278 с.

Губер А.А. *Филиппины.* М.: СОЦЭКГИЗ, 1937. 147 с. (Капиталистический мир в очерках).

Захаров А.О. В.А. Тюрин. Советское востоковедение: идеология, политика и изучение Юго-Восточной Азии в СССР / подготовка текста, вступит. статья и комментарии А.О. Захарова // *Восток. Афроазиатские общества: история и современность.* 2017. № 6. С. 119–142.

Манатов М.Ю. Модификация образов Аун Сана и Ба Мо в исторических исследованиях И.В. Можейко // *Известия высших учебных заведений. Уральский регион.* № 1. 2013. С. 62–72.

Мельник Г., Можейко И.В. *Должностные знаки Российской империи.* М.: Хронос, 1993. 285 с., ил.

-
- Можейко И.В. *Это – Гана*. М., 1962. 127 с.
- Можейко И.В. *Аун Сан*. М.: ЖЗЛ, 1965 (вып. 6 (401)). 237 с.
- Можейко И.В. *Не только память...: рассказ о поездке в Бирму*. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1965. 134 с., ил.
- Можейко И.В. *Пять тысяч храмов на берегу Иравади*. М.: Наука, 1967. 183 с.
- Можейко И.В. *Другие 27 чудес*. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1969. 265 с.
- Можейко И.В. *Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях XV–XX века*. М.: Наука, 1977. 336 с. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1980. 330 с.
- Можейко И.В. *1185 (Восток–Запад)*. М.: Наука, 1989. 524 с.
- Можейко И.В., Седов Л.А., Тюрин В.А. *С крестом и мушкетом*. Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1966. 256 с., ил.
- Можейко И.В., Узьянов А.Н. *История Бирмы (краткий очерк)*. М.: Наука, 1973. 381 с.
- Пэрл Аун. *Волшебные сказки* / Пер. И. Можейко. М.: Наука, 1965. 112 с.
- Тюрин В.А. *Книга для чтения по российской истории (в двух частях)*. М.: Восточный университет, 2008.
- Aung San of Burma / Compiled and edited by Maung Maung; Introduction by Prof. Harry J. Benda. The Hague: Nijhoff, 1962. XIV, 162 pp., ill.
- Cady, John F. *A History of Modern Burma*. New York: Cornell University Press, 1958. XIV, 632 pp.
- Cœdès, George. *Les états hindouisés d'Indochine et d'Indonésie*. Paris : De Boccard, 1948.
- Epigraphia Birmanica being lithic and other inscriptions of Burma* / ed. by Charles Duroiselle. Mon inscriptions, Section II: The Medieval Mon Records. N 12: The Inscriptions of Kalyanisima, Pegu / by C.O. Blagden. Plates from I to XXIV. – Rangoon: Superintendent. gov. print. and stationary Burma, 1928. 24 tables (Archaeological Survey of Burma, vol. 3, pt. 2).
- Epigraphia Birmanica being lithic and other inscriptions of Burma* / ed. by Charles Duroiselle. Rangoon, 1960–1961. Vols. 1–2.
- Hall, D.G.E. *Burma*. London: Hutchinson's University Library, 1950. 2nd ed. – 1956.
- Harvey, G. E. *History of Burma from the earliest times to 10 March 1824: the beginning of the English Conquest*. London: Cass, 1967. XXXII, 415 pp., ill.
- Harvey, G. E. *Outline of Burmese history*. Bombay a.o.: Longmans, Green and co., 1947. XXIV, 210 pp.
- Manguin, Pierre-Yves: *Les Portugais sur les côtes du Vietnam et du Champa. Études sur les routes maritimes et les relations commerciales*

---

d'après les sources portugaises (XVIe, XVIIe XVIIIe siècles). Paris: Adrien-Maisonneuve, 1972. xiv, 325 pp.

Mendelson, E. Michael. *Sangha and State in Burma: A Study of Monastic Sectarianism and Leadership*. Ithaca: Cornell University press, 1975. 400 pp.

Moshejko, Igor. *Am Mast der Totenkopf – Piraterie im Indischen Ozean*, Verlag Das Neue Berlin, 1981, deutsch von Klaus-Dieter Goll.

Pe Maung Tin, Luce, G. H. *Selections from the inscriptions of Pagan*. Rangoon: British Burma press, 1928. 200 pp. КХ, Шифр: 206/203.

Phillips, Alyssa. “Romance and tragedy in Burmese history: A reading of G.E. Harvey’s *The History of Burma*”, in: *SOAS Bulletin of Burma Research*, Vol. 3, No. 1, Spring 2005, pp. 1–26.

Than Tun. “History of Burma: A.D. 1300–1400”. *Journal of Burma Research Society*. XLII (II). (December 1959).